

УДК 811.161.1.111:37.091.3:004

https://doi.org/10.33619/2414-2948/124/90

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

©*Кадыркулова Ф. Д.*, ORCID: 0009-0006-9378-1855, канд. филол. наук,
Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева,
г. Бишкек, Кыргызстан, fkadyrkulova@bhu.kg

©*Шаршеналиева Т. Т.*, ORCID: 0009-0008-5045-7152, Международный
университет Кыргызстана, г. Бишкек, Кыргызстан, tursunay.toktobekova@mail.ru

©*Югай Д. Т.*, ORCID: 0009-0003-7855-4222, Кыргызско-Российский
славянский университет, г. Бишкек, Кыргызстан, iugaid106@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF FUNCTIONAL SEMANTICS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

©*Kadyrkulova F.*, ORCID: 0009-0006-9378-1855, Ph.D., Bishkek State University named after K.
Karasaev, Bishkek, Kyrgyzstan, fkadyrkulova@bhu.kg

©*Sharshenalieva T.*, ORCID: 0009-0008-5045-7152, International University of Kyrgyzstan,
Bishkek Kyrgyzstan, tursunay.toktobekova@mail.ru

©*Yugay D.*, ORCID: 0009-0003-7855-4222, Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyzstan, iugaid106@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию в области семантики и синтаксиса для целей описания, и преподавания русского языка как неродного никогда не подвергалась сомнению, а в последнее время интерес к такого рода работам значительно возрос, что можно объяснить готовностью лингвистического аппарата к сопоставительным исследованиям на новом этапе развития лингвистики. Это определяется, с одной стороны, разработкой целого ряда важнейших областей языкознания, введением в лингвистический обиход новых понятий, а с другой, - наличием готового материала русского языка для сопоставления, и опытом методики семантического и структурного анализа как одного (русского) языка, так и в отдельных фрагментах – и двух языков. В результате изучения одноуровневых, морфологически однородных средств выражения, беспредложных и предложных форм существительных, выявило их семантическую и формальную упорядоченность, что привело нас к выводу об упорядоченности и других формальных разрядов в пределах данного семантического поля.

Abstract. The article is devoted to comparative research in the field of semantics and syntax for the purpose of description, and the teaching of the Russian language as a non-native language has never been questioned, and recently interest in this kind of work has increased significantly, which can be explained by the readiness of the linguistic apparatus for comparative research at a new stage in the development of linguistics. This is determined, on the one hand, by the development of a number of important areas of linguistics, the introduction of new concepts into linguistic use, and on the other, by the availability of ready-made material of the Russian language for comparison, and the experience of the methodology of semantic and structural analysis of both one (Russian) language and in separate fragments - and two languages. As a result of the study of single-level, morphologically homogeneous means of expression, non-prepositional and prepositional forms of nouns, they revealed their semantic and formal orderliness, which led us to the conclusion about orderliness and other formal categories within a given semantic field.

Ключевые слова: сопоставительные исследования, синтаксис, преподавание русского языка как неродного, структурный анализ, функциональная семантика.

Keywords: comparative studies, syntax, teaching Russian as a foreign language, structural analysis, functional semantics.

Объектом сопоставительных исследований являлись отдельные формы, отобранные в соответствии с некоторым общим значением (например, места, времени, причины), но сгруппированные по формальным признакам. А иногда и такие формальные единицы, как предлоги (хотя и рассматривались в составе формы слова). Эти исследования несомненно принесли пользу, и их результаты на настоящем этапе развития языкознания являются ценным источником конкретного языкового материала. Успешно проводились сопоставления, в которых материал объединялся на основе смыслового единства. Можно сказать, что плодотворность такого подхода была оценена одновременно как для монолингвистических, так и для сопоставительных исследований. Представляется, что сопоставительные исследования в настоящее время могут охватывать следующий круг явлений в синтаксисе:

1. Объектом сопоставления может быть некоторый фрагмент той или иной понятийной категории в ее специфическом для каждого из сопоставляемых языков виде, т.е. одноименные функционально-семантические поля.

2. Конкретным примером сопоставления может быть одно из средств выражения данной категории, например, глагол или наречия, беспредложные и предложные формы имени. Мы предполагаем, что в рамках функционально-семантического поля (далее ФСП) все средства языка представляют собой упорядоченные разряды, как относительно семантики, так и относительно функционирования.

3. В плане сопоставления анализируются не только системы значений и основные выражающие их формы, но и синтаксические конструкции, в первую очередь, типы предложений-высказываний, в которых эти формы употребляются, т.е. речевые реализации анализируемых значений. Ограничимся рассмотрением в сопоставительном плане некоторых фрагментов функционально-семантических полей *времени и пространства* в русском, немецком и кыргызском языках.

Теория ФСП, разработанная А. В. Бондарко, является хорошей базой для сопоставительных исследований в области синтаксиса. Особенностью ФСП является, как известно, использование разноуровневых средств для выражения того или иного значения, наличие определенной структуры (ядра, центра, периферии), наличие зон пересечения с другими полями и др. [3].

Известно, что аналогичные значения в разных языках часто не совпадают по своему объему. Это правомерно не только для лексики, но и для синтаксических построений. При сопоставлении отдельных форм или структур выявить точные границы такого расхождения, как правило, невозможно, так как объем значений даже в одном языке может быть выявлен только в сопоставлении со своими «соседями» по системе, не говоря уже о том, что само значение может быть выявлено обычно как общее значение определенного синонимико-вариативного ряда, а не отдельной формы. Такое положение представляется принципиально важным, и показан наглядно на примерах. Именная темпоральная группа «за +В» (*за-предлог+В-время*) может встретиться в следующих контекстах: *За год он позвонил один раз – За год он построил дом – За год он зарабатывает приличную сумму*. Сопоставление первого и второго предложений позволяет сделать вывод, что выражение временной протяженности самого действия грамматической функцией форм типа *за неделю* не является. Вместе с тем, в

каждом из этих случаев именная темпоральная группа (далее ИТГ) «за+В» входит в различные вариативные ряды. Например, в предложении 1) ИТГ «за+В» синонимична формам со значением времени, не полностью занятого действием, типа *летом, в этом году, в мае* и др. *Летом/за лето брат приезжал один раз*. В предложении 2) ИТГ «за+В» синонимична ИТГ *в+В*, где *в-предлог+В-время*, придающей дополнительный оттенок субъективной оценки говорящих данного отрезка как краткого, а действия как интенсивного, например: *Он построил дом за год/в один год*. В предложении 3) ИТГ «за+В» также входит в синонимико-вариативный ряд с ИТГ «в+В»: *За год он зарабатывает приличную сумму*, но отношения между ИТГ «за+В» и «в+В» не несет субъективной оценки «краткость срока», а выражает усредненное время действия. Эти ИТГ различны и по своей структуре. В ИТГ «за+В» в предложении 1) можно вставить слово *весь*: *За весь год он позвонил один раз; За все лето брат приезжал один раз* [13].

Во втором случае можно вставить числительное *один*, но не слово *весь*. (именная темпоральная группа ИТГ – это синтаксические построения, которые различаются своим материальным составом, и характеризуются не только лексическими, но и структурно-смысловыми различиями): *Он построил дом за один год*. И наконец, в случае 3) вообще нельзя вставить никакого слова: в этой ИТГ нет позиции для определения. Следовательно, именно синонимико-вариативный ряд дает основу для определения значения в рамках данной системы. Само понятие ФСП предполагает языковую специфичность поля не только в плане выражения, но и в плане значений, и в плане содержания. Для сопоставления двух или более одноименных ФСП совершенно не обязательны так называемые метасистемы, поскольку представляют собой искусственный логический конструкт для естественных языков [5].

Системы значений тех или иных категорий с преимущественным отражательным характером их семантического содержания, в семантическом содержании которых преобладает отражение различий в отношениях объективной действительности имеют много общего в различных языках, совпадают по общим контурам, но различаются в деталях, в границах, членящих общую семантическую территорию [15].

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что ФСП имеют несколько иную структуру, чем это было принято считать до сих пор. Многие из них, вероятно, кроме ядра и периферии разделены на сегменты, каждый из которых представляет собой определенную систему значений, в плане содержания, и соответственно также упорядоченную систему средств выражения этого содержания, систему, формируемую преимущественно одним морфологическим разрядом или синтаксическим средством, как доминантой данного сегмента, с упорядоченной периферией, где функционируют другие разряды и средства других уровней. Например, поле темпоральности представляют обычно, как некоторое семантическое пространство, имеющее своим ядром категорию «*Прошлое: Настоящее: Будущее*» (и соответственно, членящееся на три микрополя), основным средством которой является морфологическое время глаголов и синтаксическое время предложения. Все остальные языковые средства, способные выражать время, составляют периферию этого поля, являясь лишь уточнителями, лексическими конкретизаторами глагольного времени, не имеющими своей системы значений [1].

Ближайшим определением времени являются его определения как длительности процессов и порядка последовательности явлений. Эти основные признаки времени выявляются в таких типологических характеристиках, как одномерность, неразрывность, связность, упорядоченность и однонаправленность, а также ритм и размерность. Функционально-семантическое поле времени (далее ФСПвр) состоит из сегментов, соответствующих основным временным характеристикам. В каждом сегменте есть своя

доминанта – языковое средство, основной функцией которого и является выражение этого значения, и периферийные средства: сегмент *Прошлое. Настоящее. Будущее*. Средства выражения: 1) Прошлое время. 2) Синтаксическое время простого и сложного выражения, которое – в отличие от глагольного времени позволяет выразить отношения временной определенности/неопределенности. Лексические средства (*вчера/сегодня/завтра, прошлый, старина*).

Сегмент *Одновременность: Разновременность* (отношения порядка); (*в мае, все лето, через год, после урока...*), сюда входят: структура временных отношений между частями сложного временного предложения; лексико-грамматические средства глагольного вида.

Сегмент *Протяженность времени* (Процессность: Одноактность, Длительность: Краткость), которые включают: некоторые классы слов существительных, образующих ИТГ (*секунда, минута, час и т.д.; столетие, пятидневка и т.д., время, период*), а также существительные, не образующие ИТГ, но имеющие лексическое значение времени (*длительность, интервал, протяженность* и т.д.); наречия (*темпоральные – постоянно, непрерывно* и др.); прилагательные (*долгий, короткий, получасовой*); глаголы (*длиться, продолжаться*, способы глагольного действия типа *проговорить, отработать, отшуметь*); ИТГ со значением времени, полностью занятого действием (*все лето, два года*); лексико-грамматические характеристики глагольного вида и способов глагольного действия.

Сегмент *Ритмичность (Кратность)*, включающий в себя: Наречия типа *часто, редко, иногда, регулярно* и др.; Прилагательные типа *редкий, ежегодный* и др.; ИТГ со значением разделительности: *по годам, минутами, каждый день* и др.; Лексико-грамматические характеристики глагольного вида – глаголы с семой повторяемости типа *приходить, приносить*. Следует отметить, что средства одного уровня могут выступать в разных сегментах. Например, *все лето* – одновременность, протяженность; *до самого урока* – разновременность, протяженность; *по целым часам* – одновременность, протяженность, повторяемость. ФСП времени в других языках имеют несколько иное членение. Так, в немецком языке формы глагола отражают не только категорию *Прошлое; Настоящее; Будущее*, но и значения предшествования и одновременности, которые в русском языке передаются не формами глагольного времени, а средствами глагольного вида, причем только по отношению к действиям одного субъекта (*встал и пошел*), в то время как в немецком языке – и относительно разных субъектов [9].

В немецком языке гораздо многочисленнее, нежели в русском, разряд темпоральных наречий, многим из которых соответствуют в русском языке именные формы, как например: *freitags, mittwochs – по пятницам, по средам; monatelang, wochenlang – месяцами, неделями (в течение месяцев* и т.п.). Вместе с тем, можно предположить, что “отрицательный материал”, то есть ошибки немцев, изучающих русский язык, и трудности в усвоении и понимании ими некоторых ИТГ, позволяют сделать вывод, что именные формы немецкого языка не выражают всех значений, свойственных ИТГ русского языка. Категория темпоральности в русском языке связана с категорией аспектуальности и, в первую очередь, с глагольным видом и способами глагольного действия. Некоторые значения категории именной темпоральности, как например, время завершения действия: *за год построить школу, за две недели написать статью* и т.п.- реализуются только в конъюнкции со средствами выражения аспектуальности [2].

В кыргызском языке категория темпоральности также связана с характеризованным глагольным видом и способами глагольного действия: *бир жылдым ичинде үй салды, эки күндө аткарды, бир айда жазып бүттү*. Отсутствие в языке категории глагольного вида предопределяет и некоторую ущербность данного фрагмента системы (по сравнению с

соответствующей системой в русском языке) категории именной темпоральности в немецком и некоторых других языках. В соответствии с конструкциями типа *Он решил\решил задачу за час*, в английские употребительны предложения типа *Ему понадобится один час для решения задачи*, поскольку сама оппозиция значений (*решал задачу*) *час* – (*решил задачу*) *за час* в системе значений с такой четкостью, как в русском, не выявляется. Различия не такие принципиальные, наблюдаются и при сопоставлении с германскими языками. Так, в русском и кыргызском языках внутри значения временного завершения действия вычленяется оппозиция объективно определенного срока завершения действия (*построим дом за один год, үйдү бир жылда курабыз*) в сроки завершения действия, субъективно оцененного говорящим краткого или, наоборот длительного (*построил дом в один год – үйдү бир жылда курду*).

Интересный материал для сопоставления дает и функционально-семантическое поле пространства (далее ФСПпр.). Пока достаточно хорошо исследован сегмент, основным средством выражения которого являются те же беспредложные и предложные формы – именные локативные группы (далее ИЛГ). Значения сопостранственности (*в лесу - в лес – из леса – лесом - по лесу – через лес* и т.п.) несопостранственности (*вне леса – около леса – за лесом – над лесом – мимо леса – к югу от леса – в двух километрах от леса* и т.п.) в самом общем виде, вероятно, свойственны всем или многим языкам, поскольку обусловлены спецификой имени как части речи [4].

Различия же проявляются в характере оппозиций, в наличии \отсутствии некоторых более конкретных оппозиций внутри того или иного фрагмента системы, в наличии\отсутствии специфических средств выражения и их взаимоотношенности в том или ином языке. Сопоставлялся самый общий фрагмент системы – значение сопостранственности, а в нем значение *пространство, не полностью занятое предметом, действием, признаком* (имеющее, противочленом значение *пространство, полностью занятое предметом...*), которое реализуется в оппозиции значений *общая сопостранственность* (отражающая локализацию предмета в пределах пространственных объектов – *локумов*, по отношению к которым нельзя противопоставить внутренний объем и внешнюю поверхность) и *конкретная сопостранственность*, значение ее обязательно реализуется в оппозиции *местонахождение внутри объема: в шкафу, в сумке, в стене*, - *местонахождение на несущей поверхности предмета: на шкафу, на сумке, на стене*. Наличие оппозиции общей и конкретной сопостранственности в русском языке предопределено отражением в языке внелингвистических характеристик пространственных объектов, по отношению к которым, как сказано выше, нельзя противопоставить внутренний объем и поверхность, а следовательно, для их названий на уровне формы слова нельзя осуществить противопоставление типа *в столе – на столе*, то есть в первую очередь для названий географических объектов, некоторых типов пространств, ср.: *в лесу – на лесу, на острове – в острове* [7].

Значение конкретной сопостранственности, реализуется для названий объемных предметов, имеющих внутренний полый или заполненный объем и хотя бы одну внешнюю поверхность (а также для названий “пустот”, имеющих только внутренние поверхности: *яма, грот, комната* и т.п.), то есть в русском языке это значение реализуется как по отношению к названиям дискретных предметов типа *шкаф, сумка, ящик*, так и по отношению к названиям субстанций, веществ, заполняющих какой-либо объем, например, (*камни*) *в воде, (нора)* *в песке*, и к самим пространствам, заполненным веществом: (*рыба*) *в реке, следы на песке, рябь на воде, на реке*. Причем оппозиция *внутри - на поверхности* не может не быть выражена в русском языке. В случае, если оказывается рациональным передать значение общей *сопостранственности*, то есть указать локализацию предмета в пределах *локума* без

дальнейшей детализации, выбирается одна из форм (обычно со значением *внутри*) конкретной соппространственности, например: *Она в школе* [8].

Специфика системы значений теснейшим образом связана со спецификой способов выражения данного фрагмента в каждом из сопоставляемых языков. Для русского (и других славянских, а также немецкого) характерно использование двух (в немецком – трех, за счет большей детализации одного из значений) предложных форм, а именно: *в+П* и *за + В* в славянских языках и аналогов этих форм в немецком (*in+D* \ *an +D*) причем при выражении значения общей соппространственности эти ИЛГ являются синонимами и \ или вариантами, ср.: *в Африке – на Африканском континенте, в степи – на поляне, в Полесье (реже – на Полесье) – на Смоленщине (реже – в Смоленщине)*; при выражении же конкретной соппространственности эти же формы имеют инвариантное относительно друг друга значение и являются основными выразителями оппозиции [6].

Если при выражении значения общей соппространственности выбор именной локативной группы (ИЛГ) зависит от класса слов (например, названия частей света – *в+П*; *в Африке, в Азии* и т.д., а названия стран света – *на +П*; *на севере, на юге*), и употребление разных форм одного и того же слова не связано со смысловым различием (ср.: *в\на Сицилии, в\на первом этаже*), - в крайнем случае с правильностью \неправильностью данной формы, - что часто служит и основой межъязыковой интерференции, ср. русский: *в Сибири* - польск. *na Syberii*, русск. *в Крыму* - польск. *na Krymie*, русск. *на стадионе* – нем. *Im Stadion*, то есть буквально «*в стадионе*» и т.п., то при выражении значения конкретной соппространственности выбор форм в подавляющем большинстве случаев зависит именно от смысла и в обеих ИЛГ выступает, как правило, одно и то же слово: *в столе – на столе* и т.д. [14].

В английском языке, для названий зданий, а также и для других классов слов, возможно специфическое выражение значений общей соппространственности, например: *Mari is at the school (Мэри в школе); Peril at End House – A. Christie – (Опасность в Крайнем Доме)*, ср.: *It is cold in the school (В школе холодно) - There are flags on the school (На школе флаги)*, то есть наряду с обязательной оппозицией, свойственной и русскому языку, имеется форма с более общим, не маркированным значением, передающимся в русском языке только маркированной формой. Такой факт сигнализирует о различиях в структурах русской и английской систем значений, поскольку в русском языке данные значения ни в одном классе слов не пересекаются [10].

В кыргызском языке для передачи значения общей соппространственности, или указать локализацию предмета в пределах локума без дальнейшей детализации характерно использование падежных форм (жатыш жөндөмө): *Ал үйдө, китеп баитыкта, балдар мектепте*. Не лишено интереса и сопоставление самих значений конкретной соппространственности в разных языках, поскольку оба значения не элементарны. Так, значение «локализация предмета во внутреннем пологом объеме локума», например, *плащ в шкафу, фрукты в ящике, книга в портфеле*; «локализация предмета в сплошном (заполненном) объеме или в теле предмета», например, *гвоздь в стене, дыра в полу, камни в воде* и т.п.; «вхождение предмета в состав локума», например: *В квартире три комнаты. В почве есть минеральные соли. В тканях листьев много воды* [10].

Если первое подзначение наиболее прозрачно и, вероятно, свойственно всем языкам (хотя и не обязательно выражается специфическими средствами), то второе подзначение семантически не однородно. Строго говоря, в русском языке есть основания для выделения подзначения *в веществе*. Действительно, значения *в полном объеме* и *в теле предмета* имеют синонимико-вариативный ряд *в\на+П* (в форме *на+П* выступают некоторые названия зданий по их функциям, ср.: *в школе, в магазине, но: на почте, на телеграфе, в\на складе, в\на*

конюшне, в\на студии- значение в полом объеме; и названия тканей, изделий из ткани и листовых предметов в сочетании с названиями отверстий ср.: дыра в стене, дупло в дереве, дыра в рубашке, дырочка на лацкане, трещина на картине – значение в теле предмета). Значение же в веществе выражается не видно – вариативным рядом в+П – на+П – под +Т, ср.: следы в песке\на песке, лунки в\на снегу (для сочетаний с названиями углублений), камни в воде\под водой, ходы в снегу\под снегом, нора в земле\под землей, охотиться в воде\под водой и т.д. ИЛГ в+П не дифференцирована относительно признака «степень загруженности предмета в вещество» и допускает в конъюнкции как уточнители типа на пояс: стоять на колено в воде, сидеть по пояс в снегу, так и уточнители типа с головой, по самую верхушку и т.п. Некоторые деревья были в воде по самую верхушку. ИЛГ же под+Т маркирована относительно этого признака и выражает полную загруженность предмета в вещество: Под водой угадывалось вытянутое тело большой рыбы; В воде угадывались очертания какого-то предмета. Соответственно ИЛГ под+Т не сочетается с уточнителями типа по пояс (они противоречат смыслу формы), и с уточнителями типа с головой (они избыточны). Только формы в+П употребляются для названий других жидких и сыпучих веществ: в формалине, в бензине, в молоке, в сахарном песке и т.д. Таким образом, специфический синонимико-вариативный ряд свидетельствует и о специфике значения, косвенным доказательством чего является также наличие специальной формы; и отсутствие формы со значением «полная погруженность в тело предмета», например, жучок в стене. Не менее интересным представляется сопоставление подзначения «в теле предмета».

Русский язык не разграничивает значений полной\неполной погруженности предмета в тело локума, ср.: гвоздь в стене – проводка в стене. значение типа гвоздь в стене передается аналогом русской формы на+П; то же для названий веществ при неполном погружении предмета в локум (шест в песке), то есть как бы гвоздь на стене; точно так же, как русским выражениям карандаш (ручка, линейка и т.п.) в руке соответствует словоформа - аналог русской словоформы на руке (часы, браслет на руке).

И наконец, подзначение «вхождение предмета в состав локума» вообще, вероятно, во многих языках не входят в систему локативности и передается первичными предикатами либо типа Квартира состоит из трех комнат. Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода; либо типа Вода содержит растворенные газы. Почва содержит минеральные соли и т.п. В русском языке вхождение этого подзначения в систему локативности является, вероятно, результатом определенных синтаксических структурных преобразований. Интересно и подзначение «локализация предмета на поверхности локума» типа книга на столе, картина на стене. Обычно даже русскими оно осознается недостаточно конкретно, в частности, указывают на наличие в нем семы контактности как на главный дифференциальный признак. Вместе с тем, сема контактности в русском языке в системе значений именной локативности специально не выделяется. В рамках значения «пространство, полностью занятое предметом (действием, признаком)», сема контактности имплицитно присутствует в семном составе значения; значение же «пространство, не полностью занятое предметом» не дифференцировано относительно этого признака, и необходим более широкий контекст для выявления его наличия/отсутствия, ср.: приблизиться к стене вплотную (контактность) – приблизиться к стене на два метра (дистантность). Соответственно, форма на+П (на столе, на стене) всегда имеет сему контактности, но не она является дифференциальным признаком этого значения, поскольку отношения контактности может выражать и форма над +Т. Так, если мы упираемся головой в потолок, нельзя сказать, что «потолок у нас на голове»; если подлодка или батискаф находятся на глубине моря, то

можно сказать, что *над батискафом или над лодкой* (но не *на батискафе, на лодке*) *двухсотметровая толща воды*.

Следовательно, спецификой значения, передаваемого формами типа *на столе, на стене*, является не значение контактности, а смысл «несущая поверхность», то есть поверхность. На которой предмет держится. Сравним: *подушка над головой* (контактность),- *чемодан под столом, стол под люстрой* (дистантность). Значение «локализация на несущей поверхности» также не элементарно, оно реализуется в подзначениях: 1) «собственно локализация отделяемого предмета» (когда предмет можно переместить в другое место): *книга на столе, картина висит на стене*; 2) «локализация неотделяемого предмета» (когда предмет нельзя снять с поверхности): *пятно на столе, рисунок на стене*. Можно предположить, что последнее значение не является собственно значением локализации и, скорее называет признак предмета (ср. при множественности локализуемых предметов: *пятна на столе – стол в пятнах, рисунки на стене – стена в рисунках, стена разрисована*). Но это ее значение может быть передано и при именах определяемых предметов: *На столе белая скатерть* (=Стол покрыт белой скатертью). *На дорожках желтые листья* (=Дорожки усыпаны желтыми листьями) [12].

Русский язык в рамках собственно пространственных конструкций практически не дифференцирует данные подзначения. Следовательно, и здесь членение между подзначениями в языках проходит в разных направлениях и соответственно несколько своеобразно членится семантическое пространство в каждом из сопоставляемых языков.

Русский язык не дифференцирует положение в пространстве самого локума. Поверхность может быть горизонтальной, обращенной вверх: *картина на стене*.

В немецком языке, как известно, оппозиция «горизонтальная: вертикальная поверхность» значима; сравним: *auf dem Tisch* (на столе) – *an der Wand* (на стене). При буквальном переводе выражения *лампа на потолке*, соответствующая калька передавала бы значение *с верхней стороны потолка, на крыше* [11].

Кыргызский язык также не дифференцирует положение в пространстве самого локума. Поверхность может быть горизонтальной, обращенной вверх: *дубалда сүрөт илинип турат, шыпта асма чырак илинип турат* [15].

Наконец, само подзначение 'локализация отделяемого предмета' ИЛГ на+П в русском языке передается, в самом общем виде и может быть осложнено некоторыми уточняющими семами, в частности, семой, характеризующей своего рода послойное расположение локума и локализуемого предмета. Это подзначение передается ИЛГ *поверх+P*, причем если для основного значения горизонтальное/вертикальное расположение поверхности не существенно, то для данного подзначения это различие выражается в том, что при горизонтальном расположении локума и предмета степень прикреплённости предмета к локуму роли не играет и форма указывает на его местонахождение на плоскостном локуме типа *ковер, одеяло, доска* и т.п.: *Поверх дотканого коврика лежали вышитые подушки; На втором столе лежали две чертежные доски, а поверх были навалены листы чертежей; Рука поверх одеяла, поверх краски лак*. При вертикальном же расположении локума форма *поверх+P* возможна только в случае сплошной прикреплённости предмета к локуму: *Поверх фресок была нанесена штукатурка; наклеить объявление поверх старого плаката; обои поверх газет*, сравним: неотмеченность: *ковер поверх стены*.

Для названий объемных предметов эта форма употребительна только по отношению к горизонтально расположенным предметам: *Поверх шкафа лежала этажерка; Поверх узлов были расположены чемоданы* и т.п., сравним: *лампа наверху шкафа*. Форма *наверху+P* маркирует расположение предмета на вертикально стоящем локуме или на локуме, расположенном выше уровня поля зрения человека: *Лампа стоит наверху шкафа* (но не

наверху с тола, наверху стула); Он присел на корточки наверху кургана рядом с другом; причем форма *наверху+P* не дифференцирована относительно оппозиции значений «внутри локума» - «на поверхности локума», ср.: *Наверху дома мансарда* (= в верхней части) – *Наверху дома флюгер*, то есть эта форма входит в различные синонимико-вариативные ряды. Выражение обоих названных выше подзначений в русском языке факультативно, а ИЛГ *поверх+P* и *наверху+P* (не в значении «в верхней части») могут быть заменены ИЛГ *на+П*: *на ковре подушки, на фресках штукатурка, на шкафу лампа, присесть на кургане* (но: *в доме мансарда*). Специфика ФСП определяется также и различиями в средствах выражения некоторых значений, общих для различных ФСП. Так, значение «пребывание в месте/о жительства или работы лица» (выявляющееся в рамках значения сопостранственности, но не составляющее оппозиции) выражается в русском языке метонимической формой *у+P гостить* *у бабушки, быть у врача*. Во многих языках оно передается сочетаниями типа *в доме бабушки, в кабинете врача*; в английском, ср.: *I stayed at Mr. Smith's house* (дословно: *Я гостил в доме мистера Смита*), в кыргызском языке наблюдается аналогичное явление: *байкемдин үйүндө, досумдун бөлмөсүндө*.

Названные выше типы не исчерпывают всех возможных различий в системах значений. Некоторые реальные отношения могут осмысливаться в языках свободно. Так, например, ситуация, передаваемая группой аблативных глаголов – *взять, купить, получить*, и некоторых других в русском языке обычно выражается сочетанием данных глаголов с именной группой, предающей статические отношения (где произошло действие): *купить хлеб в магазине, взять книгу в библиотеке*. Ситуация, передаваемая глаголами типа *писать, рисовать, чертить* (=наносить знаки), в русском языке выражается конструкцией с ИЛГ, называющей место: *писать в тетради, рисовать на асфальте, чертить на листе бумаги*. В кыргызском языке данным конструкциям соответствуют конструкции с ИЛГ, называющими конечный пункт движения, то есть буквально: *дептерге жазуу, асфальтка сүрөт тартуу, кагаз бетине чийүү*. Но это уже более конкретный уровень сопоставления, где выявляются различия не только в самих системах, сколько в осмыслении некоторых типовых ситуаций. Таким образом, специфика системы значений тесно связана со спецификой способов выражения определенного фрагмента в каждом из сопоставляемых языков.

В заключении нашего исследования, следует отметить, что анализ взаимодействия явлений, относящихся к разным ярусам языка, как характерной черты именно функционально-семантического поля, должен проходить на более тонком уровне, чем взаимодействия грамматических форм в их лексических уточнителях. В арсенале каждого из сегментов того или иного функционально-семантического поля есть средства, способные, хотя бы частично выразить значения других сегментов, что создает основу синонимичности различных структур. Изучение одноуровневых, морфологически однородных средств выражения, беспредложных и предложных форм существительных, выявило их семантическую и формальную упорядоченность, что привело нас к выводу об упорядоченности и других формальных разрядов в пределах данного семантического поля. Понятие функционально-семантического поля является исходным для первоначального, наиболее общего объединения отдельных значений и выявления их взаимоотношений, то есть определенной системы этих значений.

Список литературы:

1. Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М., 2015. 284 с.
2. Авилова Н. С. Вид и семантика глагола. М., 1996. 259 с.
3. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М., 2017. 336 с.

4. Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных отношений. М., 2018.
5. Жеребков В. А. Грамматическая категория времени. М., 1997. 123 с.
6. Засорина Л. Н. Грамматика локативных сочетаний. М., 1997. 119 с.
7. Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений. М., 2003. 130 с.
8. Кобзарева Т. Ю. Структура значения предлогов. М., 2001. 121 с.
9. Москальская О. И. Системное описание синтаксиса. М, 1998. 129 с.
10. Пете И. Способы выражения пространственных отношений. Будапешт, 2004. 210 с.
11. Пайзулаева А. У. История немецкой литературы. Бишкек, 2019. 100 с.
12. Райхштейн А. Анализ немецкой и русской фразеологии. М., 2001. 80 с.
13. Скобликова Е. С. Согласование в русском языке. М., 1994. 78 с.
14. Слесарева И. П. Проблема русской лексики. М., 2005. 123 с.
15. Сыдыков А. Сопоставительная фонетика русского и киргизского языков. Бишкек, 2020. 122 с.

References:

1. Abramov, V. A. (2015). Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Moscow. (in Russian).
2. Avilova, N. S. (1996). Vid i semantika glagola. Moscow. (in Russian).
3. Bondarko, A. V. (2017). Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki. Moscow. (in Russian).
4. Vsevolodova, M. V. (2018). Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii. Moscow.
5. Zherebkov, V. A. (1997). Grammaticheskaya kategoriya vremeni. Moscow. (in Russian).
6. Zasorina, L. N. (1997). Grammatika lokativnykh sochetanii. Moscow. (in Russian).
7. Kibrik, A. E. (2003). K tipologii prostranstvennykh znachenii. Moscow. (in Russian).
8. Kobzareva, T. Yu. (2001). Struktura znacheniya predlogov. Moscow. (in Russian).
9. Moskal'skaya, O. I. (1998). Sistemnoe opisanie sintaksisa. Moscow. (in Russian).
10. Pete, I. (2004). Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii. Budapesht. (in Russian).
11. Paizulaeva, A. (2019). U. Istoriya nemetskoj literatury. Bishkek. (in Russian).
12. Raikhshtein, A. (2001). Analiz nemetskoj i russkoj frazeologii. Moscow. (in Russian).
13. Skoblikova, E. S. (1994). Soglasovanie v russkom yazyke. Moscow. (in Russian).
14. Slesareva, I. P. (2005). Problema russkoj leksiki. Moscow. (in Russian).
15. Sydykov, A. (2020). Sopostavitel'naya fonetika russkogo i kirgizskogo yazykov. Bishkek. (in Russian).

Поступила в редакцию
20.01.2026 г.

Принята к публикации
29.01.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Кадыркулова Ф. Д., Шаршеналиева Т. Т., Югай Д. Т. Сопоставительный анализ функциональной семантики: теоретико-методологический аспект // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №3. С. 740-749. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/124/90>

Cite as (APA):

Kadyrkulova, F., Sharshenalieva, T., & Yugay, D. (2026). Comparative Analysis of Functional Semantics: Theoretical and Methodological Aspect. *Bulletin of Science and Practice*, 12(3), 740-749. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/124/90>